

*Изящная
словесность*

*Книги Анны Берсеновой –
истории сильных чувств:*

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»	«ТРИ ДОЧЕРИ»
Последняя Ева	Ответный
Возраст третьей любви	темперамент
Неравный брак	Игры сердца
Ловец мелкого жемчуга	Французская жена
Первый, случайный, единственный	Странная Лиза
	Портрет второй жены
	Стильная жизнь
СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»	Двое в Барселоне
Слабости сильной женщины	Гадание при свечах
Ревнивая печаль	Все страсти мегаполиса
	Женщина
	из шелкового мира
	Рената Флори
СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»	Глашенька
Яблоки из чужого рая	Вангелия
Антистерва	Женщины да Винчи
Мурка, Маруся Климова	Вокзал Виктория
	Героиня второго плана
«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»	Лучшие годы Риты
Уроки зависти	Созвездие Стрельца
Опыт нелюбви	Австрийские фрукты
Этюды Черни	
«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»	
Звезда по имени Эстер	
Красавица некстати	
Азарт среднего возраста	

анна берсенева

ПОРТРЕТ
ВТОРОЙ ЖЕНЫ

роман

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
Pim, lunokot, Anna Paff, Alesikka, lunokot / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Берсенева, Анна.

Б51 Портрет второй жены : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2018. — 480 с.

ISBN 978-5-04-095213-7

Московская жизнь неласкова к Лизе Успенской. Работая гувернанткой, она вынуждена терпеть капризы взбалмошной хозяйки. Попытки устроиться на другую работу приводят к очередным унижениям – теперь уже со стороны «хозяев жизни», считающих красивую женщину игрушкой. Но самое тяжелое испытание предстоит Лизе, когда она встречает мужчину, без которого не мыслит своей жизни. Лиза узнает, что большие деньги – это не только большие возможности. Они открывают все двери. Кроме той, за которой находится истинная любовь...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095213-7

ЧАСТЬ I

Глава 1

«*И* зачем я только вернулась, почему не осталась в Кельне? Точно затмение нашло...»

Так думала Лиза Успенская, просыпаясь каждое утро в большой комнате Колиной квартиры и с тоской перебирая в уме, что можно делать сегодня — после того как Коля и Наташа уйдут на работу и захлопнется дверь за спешащим в гимназию Андрюшкой.

Все решительные поступки, которые совершала Лиза за двадцать один год своей жизни, подчинены были чувствам — иногда неясным, но всегда сильным. И впервые она жалела об этом... Именно из-за неясных чувств — точнее, из-за отсутствия всяких чувств — она не вышла замуж за Пауля Кестнера, не осталась в Германии, вернулась зачем-то в Москву, как будто здесь ждала ее какая-то необыкновенная жизнь. И вот пожалуйста: пустая квартира, и за стенами — огромный город, в котором никто ее не ждет.

Лиза бродила по серым мартовским улицам, пока не промокали сапоги, потом возвращалась домой, готовила обед, встречала из гимназии Андрюшку, шла в садик за Маринкой. И для этого она вернулась?

Она знала, что ни брат, ни его жена не предложат ей поискать работу, не намекнут на то, что она мешает, — скорее всего, им и в голову это не приходило. Наташа даже радовалась, что Андрюшка не сидит до

вечера в пустой квартире. Но чувство никчемности не отпускало Лизу, и будущее представлялось не менее пустым, чем настоящее.

Комната в Воротниковском переулке приснилась ей неожиданно, Лиза совсем не вспоминала ее. И вдруг — потертый ковер на полу, тигровый плед, золотистые корешки книг, старая кофемолка с пасторальными рисунками, ключ поворачивается в замке... Проснувшись, Лиза почувствовала, что щеки у нее мокрые от слез.

«Боже мой, — подумала она, — ведь только тогда они и были — чувства, которые исчезли сейчас...»

Тогда ее душа была так заполнена любовью, что вздохнуть было трудно. Тогда ждала она человека, от одного звука шагов которого замирало сердце.

Вдруг она поняла, что хочет увидеть Арсения — сейчас, немедленно! Это был странный, мгновенный порыв — из тех, которым Лиза привыкла доверяться. Она не знала, было ли это возвращением любви или просто нахлынули воспоминания, но желание его увидеть было настолько сильным, что Лиза даже по комнате прошлась, пытаясь успокоиться.

Солнце уже заглядывало в окна, прозрачные пылинки плясали в его лучах. Тишина стояла во всей квартире, и ничто не мешало Лизе вслушиваться в себя. Она должна его увидеть! Как могло случиться, что она даже не поговорила с ним ни разу, после того как закрыла за собой дверь там, в Воротниковском, чуть больше года назад? Да, была уверена тогда, что разлюбила его, невыносимы были даже его прикосновения — но, может быть, это было не навсегда?..

Лиза подошла к телефону, потом вспомнила: да ведь утро сейчас, он наверняка на работе. Значит, ждать до вечера? Но желание услышать его голос было таким сильным, что Лиза все-таки набрала номер.

— Слушаю вас, — ответил женский голос. — Алло, кто это? Извините, вас не слышно.

— Я... Я хотела бы поговорить с Арсением Борисовичем, — едва выдавила из себя Лиза.

Она уже раскаивалась в том, что позвонила. Ведь это пройдено, ничего не вернуть, зачем же она ворошит эти угли, какой хочет разжечь огонек?

— Сейчас я его позову, — ответила женщина. — Арсик, это тебя. Пациентка, наверное, такой голосок нервный, — добавила она со смешком, понизив голос.

Лиза поняла, что Арсений узнал ее сразу, как только она произнесла первые слова.

— Я слушаю вас, Елизавета Дмитриевна, — спокойно сказал он, точно она и правда была его пациенткой. — Снова бессонница беспокоит?

— Я хотела поговорить с тобой, — сказала Лиза, стараясь говорить не слишком громко.

— Ну что ж, если вы находите, что вам нужна еще консультация... К сожалению, график у меня очень плотный. Давайте сделаем так: сегодня я дежурю в Склифософского. Конечно, ночью буду оперировать, а вот утром после дежурства с удовольствием вас приму. Вы помните, куда идти?

— Да, — ответила Лиза.

Она уже догадалась, что он говорит все это для той женщины, что сняла трубку, — скорее всего, для жены. Что ж, тем лучше: ведь она и не собиралась бросаться ему на шею, ей просто было необходимо его увидеть, чтобы понять...

— Вы сможете прийти к восьми? — спросил Арсений.

— Да, — снова ответила она.

— Вот и прекрасно! Значит, завтра в восемь в ординаторской. Пропуск я вам закажу. До встречи, Елизавета Дмитриевна.

«Конечно, зря я все это затеяла, — подумала Лиза, положив трубку. — Что мы можем сказать друг другу? Он-то уж точно ничего не собирался мне говорить. Даже не позвонил ни разу после того...»

Теперь она уже ругала себя за то, что поддавалась очередному неясному порыву. Сколько можно подчинять жизнь эмоциям, много ли счастья ей это принесло?

И все-таки она едва дождалась утра. Ведь это Арсений, ведь это его она любила до самозабвения! Неважно, что нельзя повторить то, что ушло!..

Лиза приехала в Склиф в сумерках. Возле лифта в вестибюле собралась толпа, и, торопливо застегивая белый халат, Лиза едва не побежала на восьмой этаж пешком, чтобы не терять ни минуты.

Воспоминания нахлынули на нее сразу, как только она оказалась в длинном коридоре первой травматологии. Вот здесь она плакала ночью, сидя на кушетке, когда Арсений подошел к ней неслышными шагами, вот здесь, в ординаторской, они пили чай, и Арсений впервые поцеловал ее...

Лиза открыла дверь. В ординаторской уже собирались врачи, но она увидела только его — ей показалось, что он совсем не изменился. Арсений поднялся из-за стола ей навстречу.

— Привет, Лиза, — сказал он, как будто они расстались вчера. — Я рад тебя видеть. Знаешь что, давай-ка здесь мешать не будем, а пойдем, пойдем...

— Долго тебе, Арсений Борисыч? — пробасил рослый врач, в котором Лиза узнала завотделением.

— Нет, Алексей Фомич, проконсультирую вот только девушку...

— Ну-ну, — одобрил Фомич. — Девушка достойна консультации. Не из бывших ли наших пациенток?

Знакомое личико. Можешь ко мне пока пойти, я все равно сейчас на обход уйду.

В кабинете заведующего Лиза села в большое дерматиновое кресло, Арсений устроился на диване напротив.

— Как дела? — спросил он.

— Все в порядке, — ответила Лиза; она не знала, что говорить дальше.

— Ты что-то хотела мне сказать?

— Да ничего особенного...

— Зачем же тогда позвонила? — удивился Арсений. — Я думал, у тебя случилось что-нибудь.

— Проконсультировать хотел? — усмехнулась Лиза. — Ты что, уже обзавелся частной практикой?

Волнение, которое не отпускало ее с той минуты, когда она услышала голос Арсения по телефону, вдруг исчезло само собою. Лиза спокойно смотрела на него и уже не понимала даже, зачем хотела его видеть. Конечно, она знала, что ничего не вернуть. И все-таки ей казалось, что, увидев Арсения, она сможет восстановить утраченное душевное равновесие. Как будто даже воспоминания о том счастливом времени, когда они любили друг друга, могут оказаться целительными...

— Да, удалось наконец, — ответил Арсений. — У меня теперь в Скилфе только дежурства. Жалко, знаешь, совсем бросать, все-таки операционная практика огромная. Кручусь, в общем.

Теперь Лиза видела, что он все-таки изменился за этот год. Плечи стали шире, черты лица — резче, даже излучина губ, чувственных и нежных, стала, кажется, другой. И, главное, из его взгляда исчезла та трепетность, которая когда-то сводила ее с ума. Вместо нее появилась спокойная уверенность в себе.

Лиза поняла, что не сможет объяснить ему, зачем хотела его увидеть.

— Все прошло, Лиза? — вдруг спросил Арсений, внимательно вглядываясь в ее лицо. — Все прошло у тебя?

Что-то встрепенулось в ней при этих словах. О чем он спрашивает, во что вглядывается в ее глазах?

— Ты о чем? — спросила она.

— Ну, все-таки ты так переживала тогда, после аборта, — спокойно объяснил он. — Конечно, и мне нервы потрепала порядком, но тебя было очень жаль.

Она не ожидала, что он скажет об этом так просто и даже равнодушно, как будто речь шла о чем-то, что произошло не с ними. Болезненное, тяжелое разочарование постепенно охватывало ее. Хотя она ведь и не знала, каким его найдет, почему бы ему не быть именно таким?

— А у тебя как дела? — спросила Лиза. — Женился, кажется?

— Да, почти, — ответил Арсений. — Не расписаны, но живем вместе.

Наверное, он ожидал, что Лиза будет расспрашивать о его жене, но ей не было до этого никакого дела. Она вглядывалась в его лицо, пытаясь найти за этой безмятежной уверенностью хотя бы следы того, что любила когда-то, — и не находила.

Лиза боялась признаться себе в том, как надеялась, что ошиблась тогда, сказав ему: «Я тебя разлюбила». Может быть, просто были расстроены нервы, вот и сказала? Но сейчас, слушая его, видя его перед собой, она понимала: ошибки не было. И надежды теперь нет — она остается наедине с этой пустотой, она одна в этом непонятном мире, и ей некуда идти, когда она выйдет на улицу.

Арсений взглянул на часы.

— Извини, я тебя задерживаю. — Лиза встала. —

Действительно, довольно глупо было тебя беспокоить без дела. Не обижайся!

— Да я не обижаюсь, — улыбнулся Арсений, и лицо его на мгновение осветилось прежним светом — светом молодости. — Ты ведь всегда такая была.

— Какая? — быстро спросила Лиза.

— Чувствительная, — ответил он. — Нелегко с тобой было в эмоциональном отношении, что и говорить. Хотя, конечно, в постели тебе не было равных. Вот где чувствительность-то на пользу!

— Что ж, прощай, — сказала она. — Рада была тебя повидать.

На прощание Арсений задержал ее руку в своей, но Лиза отняла руку. Может быть, он не прочь прямо сейчас повторить с ней постельные восторги, ей-то что до этого? Выйдя из кабинета, она сразу пошла по коридору к выходу.

Коридор показался Лизе бесконечным; она ничего не видела перед собою.

«Он прав, — думала она, поскальзываясь на свежеразмытом линолеуме. — Это цинично, конечно, — то, что он сказал, — но что обижаться на циничность, если это правда? Кому нужно все это — то, что он называет чувствительностью? Даже и в постели, наверное, прекрасно можно обойтись без этого — поднабраться только опыта...»

Она чувствовала, как все словно оледенело в ней.

«Что-то я долго иду, — подумала она машинально. — Наверное, выход прошла».

Наконец кончились палаты, и Лиза увидела справа дверь без номера.

— Вы куда, девушка? — вдруг услышала она, уже открыв эту дверь.

Лиза тут же поняла, что ошиблась — попала в палату. Она увидела широкую кровать, окруженную капель-

ницами и приборами; кто-то лежал на кровати, накрытый по пояс одеялом; женщина сидела рядом на стуле, держа на коленях книгу.

— Извините, — сказала Лиза. — Я думала, это уже выход..

Человек, окликнувший ее у двери, тут же взял ее за руку.

— Выход дальше, — сказал он. — Здесь больной, разве не понятно? Давайте-ка я вас провожу.

Лиза посмотрела на своего неожиданного провожатого. Перед ней стоял высокий, широкоплечий мужчина, на вид лет сорока. Волосы у него были совсем светлые, как будто выгоревшие, но даже на этом фоне сразу бросалась в глаза широкая седая прядь; черты лица крупные, точно вырубленные, светлые глаза внимательно прищурены. Лизе не очень нравилась внешность такого типа — грубоватая, хотя и мужественная. А сейчас ей и вовсе было не до того.

— Спасибо, я найду, — сказала она. — Извините, что помешала.

Она уже подошла к выходу на лестницу, когда вдруг услышала женский голос:

— Девушка, девушка, постойте!

Из палаты, в которую Лиза только что вошла по ошибке, выглянула та самая женщина, что сидела у кровати с книгой.

— Девушка, можно вас на минуточку? — позвала она.

— Ты чего, Юлия? — обернулся Лизин провожатый.

— Пусть она зайдет, Сережа, — потребовала та.

Лиза вернулась обратно к двери, женщина тут же схватила ее за руку и втащила в палату.

— Девушка, вы здесь работаете? — торопливо спросила она.

Несмотря на погруженность в свои мысли, Лиза ед-

ва не ахнула. Перед ней стояла настоящая красавица! Высокая, длинноногая, такая стройная, что даже не верилось — неужели обыкновенная женщина, которая запросто останавливает тебя чуть ли не на улице, может быть так сложена? У нее были светло-каштановые волосы с рыжинкой, небрежно скелотые на затылке, с выбивающимися отовсюду прядями и завитками. Но Лизу трудно было обмануть этим мнимым беспорядком в прическе. Она прекрасно помнила, что говорил когда-то Неретинский, хозяин салона «Царица Мэб», о продуманной небрежности!

И лицо у красавицы было такое ухоженное, и большие золотисто-карие глаза подведены так умело, что это было почти незаметно, и пахло от нее не просто духами, а очень тонкими и дорогими духами... Не бывает всего этого, если женщина не думает о своей внешности.

Она была в короткой юбке, открывающей ноги в золотистых чулках, длинный темно-сиреневый свитер обрисовывал бедра.

— Нет, я просто зашла с врачом поговорить, — ответила Лиза.

— Ах, как жаль! — воскликнула женщина. — Что же мне делать?

— Ну что ж теперь, Юля, — сказал мужчина, провожавший Лизу к выходу. — Придется посидеть.

— Да не могу же я, сто раз уже тебе говорила! — Она сердито стукнула ладонью по спинке стула. — Опаздываю ведь!

Она снова обернулась к Лизе, и та залюбовалась ее осанкой.

«Просто королева!» — подумалось ей.

— Девушка, — вдруг спросила Юля, — а не могли бы вы посидеть здесь, то есть подежурить у больного?

— Могла бы, — удивленно ответила Лиза. — А сколько сидеть?

— Да я сама не знаю, в том-то все и дело!

Юля даже раскраснелась от негодования, сделавшись еще красивее.

— Понимаете, — сказала она, — сиделка уже час как должна была прийти — и нету! Что это за люди, честное слово: сколько им ни плати, все равно работать не будут по-человечески! А здесь, вы же видели, одна санитарка на весь этаж, да и та пьяная с утра. Посидите, а, девушка, я вас очень прошу! Может, она и придет еще, сиделка эта проклятая.

Быстро объясняя все это, красавица сбросила тапочки и одним изящным движением надела перламутрово-сиреневые ботиночки на шпильках.

— Не надо бы, Юля, — сказал мужчина. — Ты же ее впервые видишь, мало ли...

— Я посижу, не беспокойтесь, — сказала Лиза, сердито посмотрев на мужчину: зачем он спорит с такой женщиной! — Я все равно не тороплюсь. Надо что-нибудь делать?

— Надо флаконы менять. Видите, вот здесь, на капельнице, — торопливо объяснила Юля. — Следите, чтобы воздух не попал. Как только один кончится, сразу переставляйте следующий, они здесь стоят по порядку, смотрите не перепутайте. Ох, это просто счастье, что я вас поймала, я ведь на самолет опаздываю, в Париж, просто беда!

Юля надела длинный светло-сиреневый плащ из какой-то необыкновенной блестящей и шуршащей ткани, похожей на фольгу, перебросила через плечо ремень большой кожаной сумки, мгновенно взглянула в зеркало, висящее на стене, поправила волосы; звякнули браслеты на ее запястьях. Быстро оглядев палату,

она взяла со стула книгу в яркой обложке и бросила в сумку.

— Все, Сережа, пока! — простилась она. — Смотри, ты же знаешь... Я позвоню вечером, не волнуйся.

Она склонилась над лежащим в кровати, коснулась губами его щеки, потом пронеслась к двери, легко ступая на тонких шпильках.

— Езжай осторожно, не гони, дорога скользкая! — крикнул ей вслед мужчина.

Он помолчал, слушая, как стучат по коридору Юлины каблучки, потом повернулся к Лизе:

— Что ж, девушка, придется вам приступить к своим обязанностям, раз пообещали. Я с той стороны у двери стою, зовите, если что.

«А ведь это охранник», — поняла Лиза.

С тех пор как она приняла охранника Виктора за его приятеля, она больше не ошибалась. У них был особый взгляд, у этих людей, и движения какие-то пружинистые.

Охранник вышел в коридор, а Лиза поменяла флакон на капельнице и села на стул у кровати. Прозрачная трубочка вела к руке лежащего мужчины. Лиза впервые взглянула на него. Он спал или был без сознания — лицо совершенно белое, без кровинки, закрытые глаза обведены синевой, темно-русые волосы прилипли ко лбу. Лиза заметила, что глаза у него какие-то необычные — широко поставленные. На нем была белая рубашка с завязками у ворота, но не больничная, а из тонкого льняного полотна; видно было, что вся грудь под ней в бинтах.

Лиза не могла понять, дышит ли он, и даже испугалась: а вдруг он умер? Но словно для того, чтобы ее успокоить, ресницы у больного дрогнули, глаза приоткрылись. Он взглянул на Лизу, прошептал: «Юля?» — и тут же снова закрыл глаза.